

Руслан Белов

Лис, кобра и коршун

Руслан Альбертович Белов
Лис, кобра и коршун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157674

Руслан Белов

Лис, кобра и коршун

* * *

Фархад лежал посередине пещеры. Лежал, плотно закрыв глаза. Время от времени он истошно кричал. Кричал, когда кобра кусала его в нос или когда казалось, что она вот-вот укусит.

– Ты же сказал, что отпустишь его? – импульсивно обернулся я к председателю бандитов.

– У змеи нет яда... – ответил Харон, телекамерой запечатлевая муки моего помощника. – Ей повредили железы, чтобы она убивала как собака, укусами. Восток – жесток, что тут поделаешь.

Я понял, что стою на пороге ада. Не ада вообще, не ада, в котором кого-то мучают, а персонального ада. И проговорил не своим голосом:

– Занятно. А что ты со мной собираешься делать?

– Не знаю еще... Да ты не беспокойся, они придумают, – кивнул на подручных, сидевших на корточках вокруг несчастного Фархада. – Они в этом деле бо-о-льшие специалисты.

Последнее слово он произнес подчеркнуто уважительно.

Я, сжавшись от страха, посмотрел на "специалистов".

Один из мучителей, краснобородый, рябой, в серых одеждах и выдавших виды адидасовских кроссовках, сидел на корточках, держа в руках большой глиняный горшок, в котором пряталась кобра, время от времени молниеносными бросками достигавшая носа моего коллектора.

Второй – в белых штанах, изношенном свитере; тощий, желтый, борода клочьями, плешивый, голова в струпьях, – обеими руками держал лиса, жадно тянувшегося окровавленной мордочкой к обнаженному бедру истязаемого. Время от времени тощий позволял животному хватануть живой плоти.

Третий, – мужичок с ноготок с окладистой бородой, в стеганом среднеазиатском халате и остроносых калошах, – сидел спиной ко мне. Подойдя ближе, я увидел у него на запястье небольшую хищную птицу с загнутым вниз клювом. На голове у нее был колпак. Потакая моему вниманию, мужичок с ноготок снял последний и, то ли сапсан, то ли коршун (я не силен в птичьей систематике), молниеносно, вцепился когтями в живот Фархада, прикрытый окровавленной футболкой, принялся ожесточенно клевать. Лисенок, испугавшись птицы, спрятался меж колен хозяина. А вот кобра едва не оплошала – лишь только голова ее показалась из горшка, птица, забыв о человечине, бросилась на ненавистную тварь.

– Вот такой у нас зоологический аттракцион, понима-

ешь, – сказал Харон, подойдя и положив мне руку на плечо. – Я позаимствовал его на время у моего друга Абубакра-бея, местного вождя. Но тебе предстоит другое испытание – животные, к сожалению, уже близки к насыщению.

Я ударил его локтем в печень, сокольничему досталось правой в висок, заклинатель змей получил носком ботинка в подбородок, а плешивый и со струпьями на голове, ну, тот, который был с лисенком, вырубил меня. Не знаю, чем он меня ударил, но, когда я очнулся, на лбу у меня хозяйничала огромная кровоточащая шишка.

Но были и приятные новости. Оказывается, сокольничий отзывчиво отнесся к удару в висок и скоропостижно скончался. А заклинатель змей сидел в углу пещеры с переломанной челюстью. Сидел с переломанной челюстью, благодаря моему любимому преподавателю, профессору, доктору геолого-минералогических наук Дине Михайловне Чедия. Както на третьем курсе, на лекции палеонтологии она сказала, что у *homo sapiens* на седловине нижней челюсти от древних предков-рыб осталась редуцированная хрящевая перемычка, сказала и посоветовала в случае необходимости бить прямо в нее – сломается моментом.

Увидев, что я очнулся, Харон подошел ко мне, сел на корточки, посмотрел в глаза.

– Со второй попытки я от твоей шайки оставлю только рожки да ножки, – выцедил я.

– Верю, – закивал он головой. – И потому постараюсь, что-

бы ее не было. Так с чего начнем?

– А может не надо? Не люблю я эти пытки, прямо воротит... Фархада отвезли к посту?

Харон уставился в горизонт и сказал:

– Да.

– Это вы зря... Он же солдат сюда приведет.

– Не приведет... Он умер.

– Умер? Жалко парня... – представив Фархада мертвым, искренне посочувствовал я. – Невредный был человек, мягкий. Так и не успел на калым накопить...

– Он уже среди гурий небесных тусуетя и калым ему теперь не к чему...

– И то правда. Жаль, что я не мусульманин.

– Это мы тебе быстро устроим, – усмехнулся Харон и, достав нож из ножен, провел подушечкой большого пальца по острию.

Нож был остр, как бритва и у меня в паху все съежилось.

– Расстегивай, давай, ширинку, – сказал бандит, насладившись моей оторопью.

– Да ладно уж... – махнул я рукой. – Перебыюсь как-нибудь без гурий, тем более, спать с девственницами – сплошная тоска.

И поспешил перевести разговор на другую тему:

– Ахмед не вернулся?

– Нет, он позвонил. Губернатор теперь все знает. И перед тем, как отдать выкуп за известного русского геолога, то есть

тебя, требует свидетельств, что ты жив...

– На камеру снимать будешь?

– Да, – ответил Харон.

– Я плохо получаюсь...

– Да, ты прав, видел тебя по местному телевидению. Но это не страшно. Даже наоборот, хорошо. Ну так с чего начнем?

– Давай с лисенка... – решил я побереечь нос и печень. – Он, что, на людей дрессированный?

– Да, человечинкой его кормим. Но не часто, сам понимаешь, не каждый день такая удача, и потому он вечно голодный...

– Ну, валяйте тогда. Только у меня просьба – лица и половых органов не трогайте. Не надо сердить мою жену.

– Как скажешь, – равнодушно пожал плечами Харон, и подозвал жестом плешивого. Тот встал, достал из мешка лисенка, подошел ко мне.

Если сказать, что я чувствовал себя не в своей тарелке, значит, ничего не сказать. С давних пор я относился к боли без особого трепета – знал, что терпеть ее можно достаточно долго. И если загнать страх быть искалеченным куда подальше, то боль перестает восприниматься, как нечто ужасное.

Но в данный критический момент полностью распорядится своим страхом, расправиться с ним, я не мог. И он сидел, не раздавленный в самой сердцевине моей смятенной души, сидел, до смерти напуганным волком. Чтобы не дать ему вос-

прыгнуть, не дать завладеть мною, не дать сожрать себя, я куражился, помимо воли куражился. Помимо воли, потому что знал, что бравада, в конце концов, выйдет боком: мучители, если я не буду дергаться и орать благим матом, осатанеют и тогда дело дойдет до тяжких телесных повреждений. Но я, сверх меры возбужденный, ничего не мог с собой поделаться и продолжал паясничать.

– Скажи своему поганцу, чтобы с бедрышка начинал меня пробовать, – указав на правое свое бедро, сказал я плешивому.

Плешивый, естественно, ничего не понял и обернулся к Харону за разъяснениями. Тот перевел мои слова на персидский и, нехорошо усмехнувшись, что-то добавил.

Лисенок цапнул алчно, да так, что безнадежно испортил рабочие штаны. Второй укус вырвал из меня изрядный кусок мяса размером с небольшое яблоко, вырвал, уронил на землю, прижал, как кошка, передними ногами к земле и принялся жадно жевать. Я испугался: а вдруг лис бешеный? Или носит в себе вирус геморрагической лихорадки?

И сжался от страха.

– Больно? – участливо спросил Харон, подойдя с телекамерой.

Я, с трудом придав лицу равнодушное выражение, сказал:

– Больно-то больно, но беспокоит меня совсем другое...

– Что тебя беспокоит? – поинтересовался бандит, снимая крупным планом жующую лису и мою кровоточащую рану.

– Твои... твои деньги меня заботят...

– Мои деньги? – удивился бандит.

– Да... – ответил я, надев на лицо маску сочувствия. Получилось где-то на три с плюсом.

– Издеваешься?

Рана ныла нестерпимо.

– Да нет... Я просто подумал...

– Что подумал?

– Как ты считаешь, от чего Фархад умер? От змеиного яда?

– Исключено.

– От потери крови?

– Нет, крови было немного. Ты к чему клонишь?

Лис хватанул еще.

– Я клоню к тому, – сморщился я от боли, – что он умер от какой-то микроскопической гадости, занесенной в его раны коршуном или этой тварью. Ты не боишься, что я умру от нее же? И вместо долларов ты получишь шиш с маслом? Или, как говорят у вас на Востоке, вместо плова – пустой казан с пригоревшим рисом и тряпкой для мытья?

Харон задумался и, когда лисенок проглотил, наконец, мое мясо, бывшее мое мясо и двинулся за очередным куском, сказал что-то плешивому. Тот с сожалением схватил подопечного за ногу и бросил, негодуя завизжавшего, в мешок. А главарь бандитов уселся передо мной на корточки и посмотрел мне в глаза, на рану, на струйку крови из нее

вытекавшую. Посмотрев, вынул из ножен нож и сказал, пробуя остроту подушечкой пальца.

– Ты, ради бога, не думай, что отмазался. Я все равно сломаю тебя. Буду отрезать у тебя по кусочку, пока ты не захочешь умереть.

– Опоздал ты... Я давно хочу умереть. А то бы в этих краях не оказался.

Харон посмотрев недоверчиво, взял телекамеру, кивнул плешивому. Тот присел передо мной и начал помешивать ножом кровь, скопившуюся в ране на бедре.

Я сморщился. Было больно и щекотно. Вспомнилось, как после операции по поводу перитонита хирург ежедневно лазал в мой живот сквозь специальное отверстие. Совал в него длинный зажим с турундой и протирал кишки. Тогда тоже было больно и щекотно. И смешно... Смешно смотреть, как двадцатисантиметровый зажим практически полностью исчезает в моем чреве.

Я нервно засмеялся. В ответ мучитель задвигал ножом энергичнее.

Стало очень больно. И я сказал себе, что боль – это приятно, боль – это удовольствие, боль – это свидетельство существования.

Боль, как свидетельство существования, подействовала. Отвлекла внимание. Я закрыл глаза и постарался расслабиться. Получилось. Почти получилось. Чтобы получилось полностью, я принялся мысленно рисовать на своем лице

маску блаженной удовлетворенности.

...Камера стрекотала, я "смаковал" боль, впитывал ее каждой клеточкой, впитывал, зная, что если чему-то до конца отдаться, то это что-то скоро перестает восприниматься как первостепенное.

...Впервые я это понял, разбирая на овощной базе гнилую капусту. Войдя в хранилище, был вчистую сражен отвратительнейшим духом. Но через десять минут он пропитал меня насквозь, стал моим и я перестал его воспринимать...

...Нож ткнулся в бедренную кость. Стало очень и очень больно. Мясо это мясо, а когда добираются до кости, до стержня, до твоего стержня, это совсем другое дело.

Мгновенно пронзенный ужасом, я раскрыл глаза и увидел внимательный глазок телекамеры. В тридцати сантиметрах от лица. Она стрекотала равнодушно. Плешивый помешивал в моей ране, так, как будто помешивал суп в кастрюле.

– Я понял, чего ты боишься... – хмыкнул Харон, опуская камеру. Ты боишься потерять то, что не отрастает. Ты привык терять, ты привык терпеть боль, но лишь до тех пор, пока твоей целостности ничего не угрожает.

– Тоже мне Ван Гоген. Все этого боятся... Даже куры, – прохрипел я, чувствуя, что бледен, как белое.

– Наверное, это так, – проговорил Харон, вновь принявшись снимать. Поснимав и так и эдак, присел рядом с плешивым, по-прежнему деловито помешивавшем в моей ране, и спросил доверительно:

– Что тебе первым делом отрезать – палец или ухо? Выбери.

– Ухо, конечно, – ответил я, рассматривая нетерпеливый нож, игравший в руке бандита.

Харон перевернул меня на живот, приказал плешивому освободить операционное поле от волос и взялся за камеру.

Как только она заработала, укротитель лисы сказал "Иншалла" и принялся за дело: оттянув ухо в сторону большим и указательным пальцами, начал его отрезать. Делал он это медленно, не давя сильно на нож, и поэтому кровь потекла после третьего или четвертого движения.

Когда нож заходил по хрящу, в пещеру вбежал запыхавшийся Ахмед, прокричал Харону, что вокруг пещеры рыщут солдаты и каждую минуту они могут быть здесь.

Спустя некоторое время я, привязанный к неторопливому ослу, ехал по узкому ущелью с плоским щербенистым дном. Глаз Харон мне не завязал, и это изрядно меня тревожило. "Не завязали глаз, значит, убьют" – думал я, рассматривая прибитые жарой желтые безжизненные скалы.

Погонял осла плешивый, за спиной у него висели автомат и мешок с лисенком. Кувшин с коброй был приторочен к моему ослу справа, а клетка с хищной птицей – слева. Примерно через час осел остановился у небольшой пещеры, вернее просто дыры в выветренных гранитах. Спустив с осла и тщательно проверив путы, плешивый бандит уронил меня на землю головой к пещере и задвинул внутрь.

Копь оказалась объемистой – метра два в ширину и вдвое меньше в высоту. Насколько она простирается вглубь, я устанавливать не стал. И не потому, что это ничего не решало. А потому что вслед за мной в копь были помещены кобра, лисенок и коршун, после чего вход в пещеру был завален тяжелыми гранитными глыбами.

...Сквозь щели меж глыбами струился слабый свет. Над лицом нависала кобра. Она смотрела на коршуна, расположившегося на моем колене. У стенки пещеры, на равном расстоянии от соперников, переминался с ноги на ногу лисенок.

Да, коршун, кобра и лиса стали соперниками. И эти твари не могли меня поделить. Происходи дележка на свежем воздухе, под солнцем, коршун, конечно же, мигом расправился бы и с лисенком и с коброй. Но низкие своды моего склепа не позволяли птице в полной мере использовать когти и скорость, и потому по своим возможностям она лишь ненамного превосходила бойцового петуха.

Этот досадный факт раздражал коршуна. Свою животную злость он вымещал на моем бедре, изрядно облегченном лицом. Но от души этого сделать не мог: стоило птице увлечься, как лис молниеносно бросался к ней за очередными перьями. Адекватного ответа у коршуна не находилось: шустрая бестия в момент надежно укрывалась под полого спадающей стенкой пещеры.

А кобра, конечно, уползла бы куда подальше и от лисы, и от коршуна, но, во-первых, пещера оказалась короткой, а во-

вторых, щелей и нор в ней не было никаких. А к выходу ее не пропускали соперники. Вот эта ползучая тварь и вымещала на мне злобу ожесточенными укусами.

Вы можете спросить, почему я не сопротивлялся. Почему не пытался отогнать этих дрессированных тварей ногами, почему не пробовал задавить хотя бы одну из них телом?

Как же, сопротивлялся, пытался, пробовал... Еще как... Но только измотался до крайней степени, не добившись ничего.

И еще эта кобра... Врал Харон, что у нее удалены ядовитые железы... Был у нее яд, был... Хоть и немного, хоть и позднелетний, слабенький, но был. А то бы от чего вся голова моя стала нечувствительной, а сердце то бешено стучало, то замирало?

И это бесконечное безразличие... Оно миллиметр за миллиметром охватило все мое сознание, все мое тело... Мне не хотелось думать, не хотелось двигаться, боли я фактически не чувствовал... Только зрение бесстрастно посылало в мозг информацию, посылало, хотя там ее практически ничто не ждало... Я смотрел на этих тварей безразлично, как мертвец, которому забыли закрыть глаза.

...После того, как в склепе воцарился мрак, лис взялся за коршуна. То там, то здесь, а то и на мне, завязывались яростные схватки. И, в конце концов, не видящая в полной темноте птица стала добычей шустрого представителя семейства волчьих.

После показательного съедения побежденного, лис немного передохнул и решил развлечься с коброй. Ночная прохлада к этому времени уже пробрала представителя холонокровных до костей, и игра не получилась занимательной: очень уж вяло сопротивлялось замерзшее пресмыкающееся.

Потаскав туда-сюда поборотую гадину, лис попробовал ее на вкус. Почавкал минут пять и, бросив объедки у меня в ногах, занялся главным своим трофеем. То есть мной. Обнюхал с ног до головы, вцепился, было, в плечо, но вцепился больше из вредности – есть ему после дичи и холодного явно не хотелось. Нехотя помуслявав мою дельтовидную мышцу, лис помотался по пещере и улегся спать в ее глубине.

Я, вернее, то, что от меня осталось, осталось наедине с собой и забылось...

Когда глаза мои открылись, лис сидел рядом.

Сидел и смотрел на меня как на старого, аппетитного друга. Он явно раздумывал, приступить ли ему к трапезе прямо сейчас или оттянуть удовольствие минут на несколько.

– Ты, сволочь, – обратился я к нему сквозь зубы, – ты, что, думаешь у тебя целая гора мяса, и что тебе ее хватит на всю жизнь? Ошибаешься, жестоко ошибаешься, мерзкая, тупая тварь! Меня хватит тебе максимум на месяц, потом ты примешься глодать мои кости и проклянешь меня за их крепость. А потом ты умрешь, и тебя сожрут мухи! Ты видел когда-нибудь сдохшую на дороге кошку? Мерзкое, я тебе

скажу, это зрелище. Оскал, шерсть клочьями, ребра наружу и смрад. Вот что тебя ждет, поганое животное, вот ради чего ты родился на свет!

Лис отвел глаза в сторону. Представил, наверное, кошку с ребрами наружу. Его, воистину человеческая реакция, придала мне сил, и я вновь обратился к нему:

– А ведь мы с тобой могли бы договориться. Если бы, конечно, ты не был так непроходимо туп...

Лис поднял глаза. Они были настороженно-внимательными.

– Да ты туп, туп и жаден и потому никогда не сможешь использовать свою законную добычу с максимальной эффективностью. Не сможешь даже в такой критической ситуации. И этим ты очень похож на людей, которые используют свое богатство и достояние для скорейшего приближения к духовной и физической смерти...

– Ну, это ты загнул! – прочитал я в глазах лиса. – Не мог бы ты перейти ближе к телу? И без всяких словесных выкрутасов, так любимых болтливými людьми?

– Фиг тебе! – выпалил я, чувствуя, что инициатива переходит ко мне.

– Ну, как хочешь, – повел мордочкой лис, и по-хозяйски оглядев мое распластанное тело, подошел к здоровому бедру, прикусил его.

– Эй, эй! – вскричал я. – Осади, сдаюсь!

Лис разжал челюсти, усмехнулся (клянусь!) и, приказыва-

вая, дернул носом снизу вверх:

– Говори, что там у тебя.

– Тупица рыжая. У нас, в России, лисы славятся умом, а вы тут деградировали...

– Питание хреновое, понимаешь... – погрузнел лис. – Зелени свежей совсем нет, сахаров, водички чистой... Говори, давай, не тяни. Я вспыльчивый от постоянного перегрева и беготни. Будешь резину тянуть, нос отгрызу, гадом буду, отгрызу.

– Ну, ладно, – сжалился я. – Понимаешь, мы с тобой кардинально отличаемся. Ты можешь съесть меня, но не можешь отсюда выбраться. А я не могу тебя съесть (вонючий ты, потому что), но могу, при некоторых условиях, конечно, разобрать выход. Ферштейн?

– При каких это некоторых условиях?

– Тупица рыжая!

– Слушай, хватит изгаляться, а? Мне Аллах дал ровно столько ума, чтобы добыть себе мышку и не обожраться до смерти, если он пошлет мне целую гору умного мяса.

– Веревки...

– Что веревки? – оглядел лис стягивающие меня путы.

– Ты можешь освободить меня от них...

– А... – разочаровался лис. – Веревки... Я их разгрызаю, затем ты, третьи сутки голодный, съедаешь меня или просто берешь за задние ноги, трахаешь пару раз об одну стену, пару раз о другую, а потом выбираешься на волю с чувством

выполненного долга и моими мозгами на одежде! Да, я об этом варианте своего спасения как-то не подумал...

– Да не буду я тебя жрать. И трахать тем более. В тебе, небось, столько фауны и флоры сидит, что через пару дней без печени и мозгов останусь... Слушай, а почему ты сказал, что я здесь третий день сижу?

– Третий день, потому что третий день, – ответил лис глазами...

– Значит, я два с половиной дня провел без сознания, – подумал я.

– Ну, хорошо, уговорил, – смягчился лис. – Перегрызу я тебе веревки... Но так как я все-таки рискую, позволь мне получить некоторую компенсацию...

– Мяску из моего бедра?

– Да. Всего лишь один байт¹, хорошо?

– Ну ладно, валяй. Но только не усердствуй, а то потом я тебя точно съем с потрохами, из вредности и мести. Да и рану залижи. Говорят, у вас слюна асептическими способностями обладает.

– Хорошо, – ответил лис недобрый взглядом и, не мешкая, вцепился в мое бедро.

Он не успел вырвать у меня уговоренный кусок мяса – снаружи раздались звуки. Они доносились издалека. И, несомненно, издавались мчащейся на полном ходу машиной. Машиной, на полном ходу мчащейся по направлению к пещере.

¹ Bite – укус.

Ко мене.